

Александр Скокан: «Важно расставить акценты на материи города»

РАБОТЫ АРХИТЕКТУРНОГО БЮРО «ОСТОЖЕНКА», ВОЗГЛАВЛЯЕМОГО АЛЕКСАНДРОМ СКОКАНОМ, ОТЛИЧАЕТ СТРОГАЯ ЭЛЕГАНТНОСТЬ И СДЕРЖАННОСТЬ, основанная на пиетете к городскому контексту. Разработка и реализация проекта реконструкции микрорайона Остоженка, признанного образцом средового подхода в архитектуре, – заслуга команды Скокана. Вместе с тем СРЕДИ ЗДАНИЙ, ПОСТРОЕННЫХ ПО ПРОЕКТАМ БЮРО, МОЖНО НАЙТИ НЕМАЛО ТАКИХ, КОТОРЫЕ ВЫДЕЛЯЮТСЯ ИЗ ОКРУЖЕНИЯ, ОБЛАДАЮТ ЯРКИМ ЗАПОМИНАЮЩИМСЯ АРХИТЕКТУРНЫМ ОБРАЗОМ. Достаточно назвать жилой дом «Панорама» на Пресненском Валу или торговый центр «Гвоздь» на Волоколамском шоссе. Подобные примеры – не противоречие, а только подтверждение основного принципа, основанного на уместности тех или иных архитектурных приемов в зависимости от окружающего контекста.

Жилой комплекс на ул. Пресненский Вал

– Застройка Остоженки, можно сказать, завершена. Как вы с учетом требований сегодняшнего дня оцениваете важность средового подхода при проектировании, стала ли ваша позиция в этом вопросе мягче или, наоборот, жестче?

– Дело даже не в моем подходе – моя система добра и зла, может быть, и не изменилась, но

изменилась действительность, и сегодняшние требования отличаются от тех, которые были в начале 90-х. Архитектура, особенно когда речь идет о жилье, стала коммерческим продуктом, чего, естественно, не было в советское и раннее постсоветское время. Тогда довольно абстрактно рассуждали о грядущем рынке, а сейчас этот рынок уже состоялся.

– То есть если бы сегодня стояла задача застройки Остоженки, то она была бы решена по-иному?

– Во-первых, сейчас подобную задачу невозможно решить комплексно. Нет градостроительных рычагов, чтобы сделать единый проект реконструкции большой территории. Раньше был муниципальный заказчик и один архи-

ТЕКТУРА

тектор или команда архитекторов, которые этот заказ выполнили. В нынешнее время количество деятелей на такой территории велико: сколько строек, столько и заказчиков, и, естественно, у каждого свои интересы и свои представления о прекрасном. Такого единообразия и комплексного подхода, как это было сделано на Остоженке, сегодня невозможно добиться чисто технически. Во-вторых, если раньше одной из основных целей реконструкции городской застройки являлось решение социальных задач, то теперь трудно выделить какие-либо выитно поставленные цели, помимо строительства коммерческой элитной недвижимости.

– Принимает ли ваше бюро участие в разработке нового проекта «Золотой ост-

ров», сходного по масштабу и престижности?

– Был интересный, представительный конкурс на этот проект, но наше бюро в нем не участвовало. Лучшим, по мнению жюри, был признан вариант архитектора Андрея Бокова («Моспроект-4»). Однако в дальнейшем идеи, заложенные на конкурсе, были отброшены, появились какие-то другие, и Боков практически отстранен от участия в этом проекте. Цель этой коммерческой затеи – создать рядом с Кремлем место, максимально изолированное от городского шума и суеты, где будут жить отдельные счастливицы. Идея, в принципе, не нова. На этом же участке в 20-е годы прошлого века был построен огромный элитный по тем временам

дом для правительственной и партийной верхушки, который тоже представлял собой достаточно замкнутый жилой кондоминиум.

– В каких случаях, на ваш взгляд, конкурсы необходимы?

– Сложный вопрос. Сейчас обсуждаются перипетии проекта новой сцены Мариинки Доминика Перро – приключения француза в России. Контракт с ним, как можно судить по публикациям, расторгнут, и он передает все наработанные материалы заказчику, который будет распоряжаться этим по своему усмотрению. Казалось бы, что все сделано культурно и грамотно. Был конкурс, к которому привлекли и иностранных, и отечественных участников.

Административное здание на 1-й Брестской улице

Жилой комплекс в Борисоглебском переулке

– Ваше бюро ведь тоже принимало участие?

– Да, нас пригласил главный архитектор Петербурга, и мы с удовольствием участвовали, поскольку все любим этот город. В жюри были представители российской общественности, государственные мужи и международные светила. Победил проект французского архитектора, который предложил зажигательное воображение образ некоего эфемерно-воздушного пузыря-купола, и, как я сейчас понимаю, он был утвержден больше по политическим соображениям. Не нужно было быть провидцем, чтобы догадаться, что при реализации проекта возникнут большие технические сложности. А дальше сюжет развивался, как в повести Платонова «Елифановские шлюзы». Впрочем, и в цивилизованных западных странах большие конкурсы нередко заканчиваются скандалами. Например, конкурс на Ground Zero в Нью-Йорке выиграл Либескинд, а в результате будет строиться совершенно другой проект. Когда дело касается миллиардных затрат, то очень трудно предложить, что воля какого-то одного человека, будь он даже звезда мировой величины, будет тщательно реализована. Поэтому хотя конкурс и позволяет выбрать наилучшее решение из того, что предлагается, еще не является гарантией, что все именно так и будет реализовано.

– У вас много проектов и уже построенных жилых домов в разных районах Москвы. Какие критерии в оценке качества архитектуры для зданий подобного рода вы считаете приоритетными?

– Есть разные оценки. Есть риэлторская оценка, которая исходит из того, что здание – это коммерческий продукт, который должен быть продан за максимальную цену и в короткий срок, предпочтительно задолго до окончания строительства. С точки зрения риэлтора, как известно, главным фактором в этой оценке является не архитектура, а такое понятие, как location. Если же смотреть на вещи глазами архитектурной критики или любителей московской городской среды, то оценки будут другими. При этом архитектурные премии и награды могут получать дома, которые совершенно неуспешны с коммерческой точки зре-

АРХИТЕКТУРА

ния, и, наоборот, на архитектурных конкурсах все будет брезгливо обходить какие-то постройки, которые очень хорошо продаются. Идеальная ситуация, конечно, когда и то, и другое совпадает, но чисто архитектурной оценки в настоящее время нет.

– Но многие риэлторы утверждают, что имя архитектора сейчас тоже определяет конечную реализационную стоимость проекта.

– Для этого имя архитектора должно быть раскрученным брендом, и такие архитектурные команды у нас сейчас появились, в том числе благодаря усилиям журналистов. Чаше, однако, фамилия архитектора ничего не говорит покупателю, а его известность – это лишь маркетинговая уловка. Очень смешные вещи проис-

ходят. Недавно видел на Остоженке рекламный щит строящегося дома, в котором сообщается, что автор проекта – очень известный архитектор, при этом само имя не названо. Вообще, то, что архитектор стал публичной фигурой, – это достижение недавнего времени, а словосочетание «архитектурная звезда» появилось лет двадцать назад. До этого фамилии архитекторов знали только в кругу людей, причастных к строительному процессу. Аналогичная ситуация и в других областях человеческой деятельности: популяризируются имена ведущих модельеров, дизайнеров, поваров. Это веяние времени, часть общей тенденции коммерциализации общества и культуры.

– Какие проекты в настоящее время находятся в работе у вашего бюро?

– Завершается строительство жилого дома в Борисоглебском переулке (так называемый «Посольский дом»), возводится большой комплекс в городе Видное, ряд проектов находится в стадии согласования (процедура эта сейчас усложнилась, и некоторые объекты по разным причинам застревают в течение года и более). Проектов довольно много, но, как правило, это не комплексные ситуации, а отдельные дома – жилые, офисные и торговые здания, встраиваемые в городскую жизнь. Поэтому мы сейчас радуемся объекту в Краснодаре – это целый городской квартал, расположенный рядом с центральной улицей, и здесь можно создать комплексное решение большой структуры. Первоначально заказчик предполагал построить на этом месте две 24-этажные башни, но нам показалось, что

для этого города, в своей центральной части совсем не высокого и сохранившего милые провинциальные черты, появление таких башен неуместно. Мы попытались эту задачу перевернуть, решить проблему застройки квартала не как комбинацию нескольких домов, а как комбинацию жилых пространств. Разработанная объемно-пространственная структура представляет собой сгруппированные вокруг четырех внутренних дворов дома разной этажности с анфиладами арочных проемов. Если этот проект пройдет, то, я думаю, это будет хорошее и интересное решение, которое, возможно, изменит отношение местных архитекторов к проблеме реконструкции этого города. Нам всегда было интересно решать нестандартные задачи. Собственно говоря, и проект реконструкции Остоженки, сделанный в конце 80-х – начале 90-х годов, был новым словом в градостроительной практике и в известной степени повлиял на дальнейшее развитие подходов к этой проблеме.

– А какова судьба проекта дома-амфитеатра на месте бывшего стадиона на Мытной улице?

– Это была хорошая архитектурная идея, и многие ее запомнили, но по целому ряду причин от этого варианта отказались, и сейчас там проектируется и строится что-то другое. Мы подошли с определенным пиететом к истории этого места. Овальная форма дома с закругленными торцами повторяла контур бывшего районного стадиона, оставляя пространство внутреннего двора открытым, а в подземной части постройки был спроектирован спортивный комплекс. Для того чтобы нормально осуществлялась инсоляция соседних домов, в корпусе здания были сделаны прорезы, напоминающие разломы от воздействия времени. Так что, помимо чисто прагматической задачи, этот прием работал на образ постройки, создавал форму с множеством возможных интерпретаций.

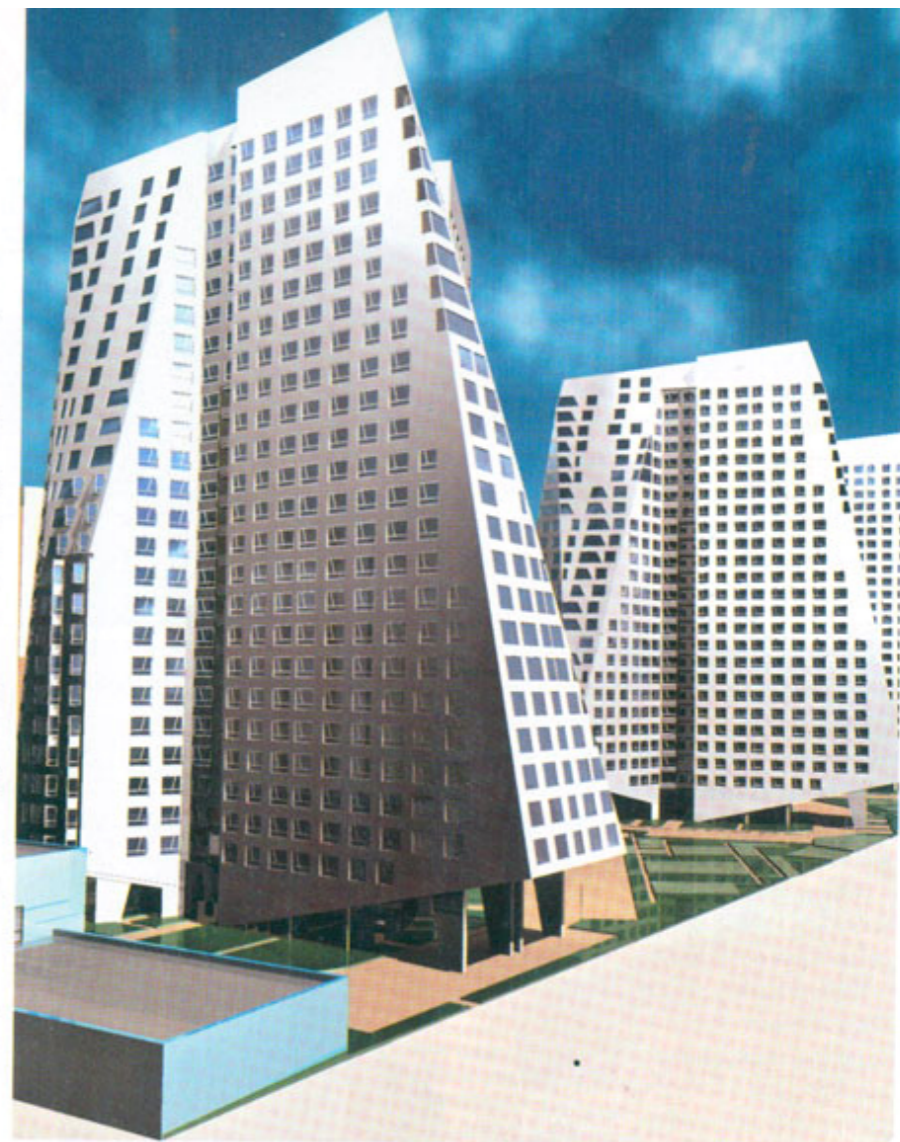
– Удачно найденный образ здания способен изменить восприятие улицы в целом, как это получилось у вашего дома «Пингвин» на Брестской. Яркий образ постройки для вас – это бонус к функциональности или самостоятельная творческая задача?

– В каждом случае по-разному. Построенный в середине длинной и довольно безликой 1-й Брестской улицы дом «Пингвин», выступающий в уличный проем «пузом» фасада, зрительно ее поделил, создал некий акцент, при-

Офисное здание «Капитал Плаза» в 4-м Лесном переулке

Оздоровительный и жилой комплекс в г. Люберцы

АРХИТЕКТУРА

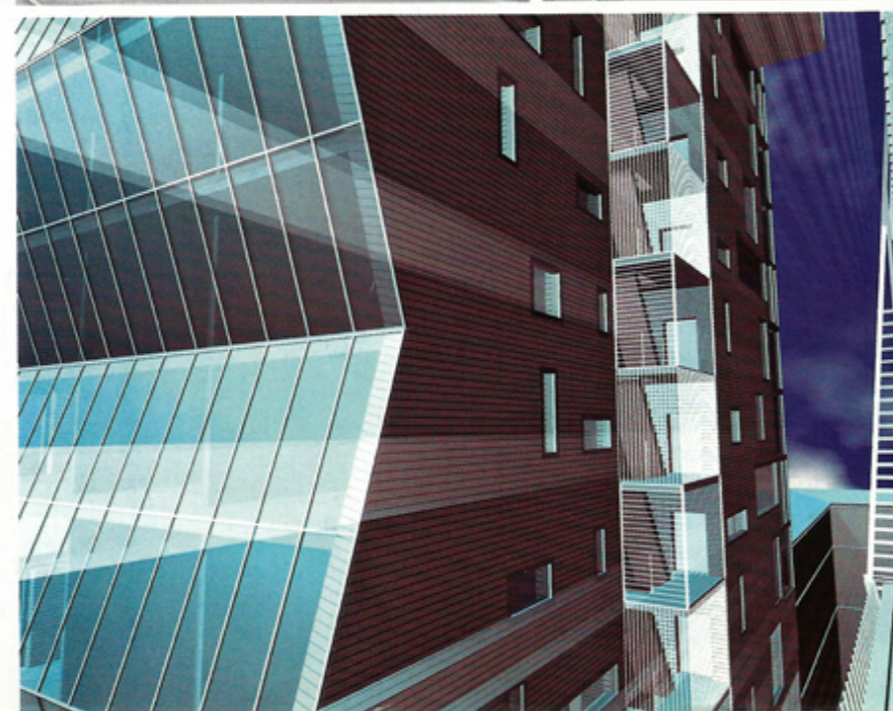
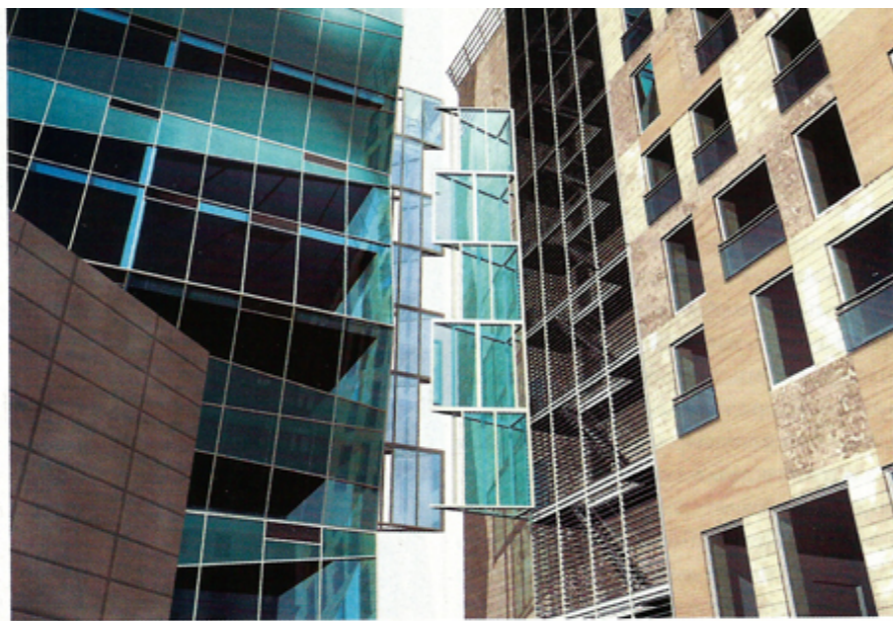
давший улице выразительность. Для московской градостроительной традиции характерно наличие акцентов в виде церквей, которые фиксировали переломы старых улиц. И если сегодня, в силу ряда причин, такое количество церквей нам не нужно, то это не значит, что не могут появляться акцентные сооружения, которые несколько выпадают из общего ряда застройки и создают визуальное оживление. Насколько уместны подобные жесты – это вопрос чутя, такта и этики поведения. Вопрос достаточно субъективный, каких-либо правил тут нет, и вряд ли они могут быть написаны.

– Архитекторы в разные времена проектировали идеальные города, но ни один пока не построен – наверное, потому, что люди не идеальны. И все-таки, что, по-вашему, является для современного города основным фактором, приближающим его к идеалу?

– Главное свойство и прелесть городской жизни – это мобильность. Чтобы пользоваться городским пространством и всеми теми благами, которые составляют городской уклад, нужно иметь возможность быстро и легко преодолевать большие расстояния. Все мы, москвичи, можем по своему опыту сказать, что транспортные пробки и сложности с парковкой постепенно детерминируют наше поведение как горожан. Главный дефект радиально-кольцевой транспортной системы Москвы в том, что она моноцентрична. Хорошая, казалось бы, идея с «Москва-Сити» (который должен стать противовесом старому центру) проблемы, к сожалению, не решает. Как нетрудно догадаться, в скором времени в районе этого нового центра возникнет такая же ситуация. Очевидно, что для Москвы была бы более правильная система из многих центров, распределяющая транспортные нагрузки по всему городу. В какой-то мере эта идея реализуется, но огромные средства, вложенные в строительство «Сити», заставляют это место перегружать.

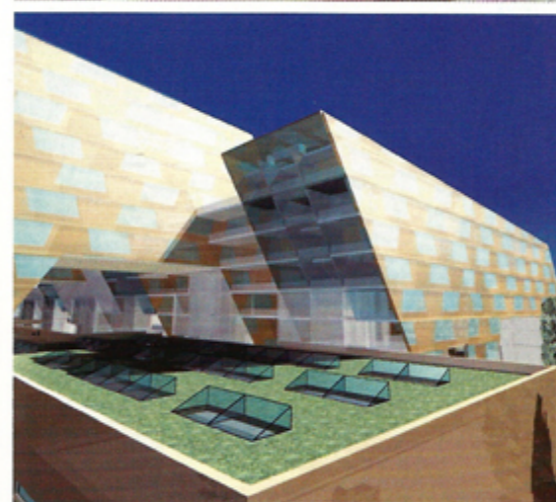
– Говоря об идеальном заказчике, архитекторы на первый план обычно ставят доверие. Для архитектора с вашим опытом и репутацией это, наверное, уже объективная данность. А какими качествами должен обладать заказчик, чтобы вы могли ему доверять?

– Идеальный заказчик, на мой взгляд, – это партнер. Архитектору нужна дискуссия, и

Жилой комплекс на проспекте Мира

Жилой комплекс в Краснодаре

если его оставить в покое, просто выделив деньги на постройку какого-то заданного количества квадратных метров, то он обязательно нарисует что-нибудь странное и чудное. Поэтому конструктивный диалог с заказчиком очень важен. У заказчика есть деньги, он знает, чего хотят эти деньги, а хороший архитектор знает город как некую материю, которая что-то принимает, а что-то отторгает, и в диалоге этих двух персонажей, основанном на взаимном уважении, рождается лучший вариант.

– Как развивается архитектурная профессия в стране? Какие перспективы у российской архитектуры в обозримом будущем?

– Мне кажется, каких-то больших событий ждать от российской архитектуры не приходится. Определенный оптимизм внушают подрастающая молодежь и тот факт, что помимо московской и питерской архитектурных школ появилось много новых региональных (например нижегородская и самарская). Так что со временем, я думаю, ситуация выправится. Архитекторы моего возраста и

те, кто несколько моложе меня, так или иначе связаны с предыдущей историей страны, и никуда от этого не денешься, а новые люди смотрят на все более широко, и можно им только позавидовать. Молодежь уже со второго курса работает, учится на практике у действующих архитекторов, и многие к концу учебы уже имеют опыт работы в нескольких мастерских. У нас сейчас пять студентов практикуются, а некоторые бывшие студенты уже стали сотрудниками нашего бюро. Так что будем надеяться на молодежь. ■